

Герберт Уэллс

Россия во мгле

Перевод с английского
Виктора Хинкиса

ФТМ

Герберт Джордж Уэллс

Россия во мгле

Серия «Приключения иностранца в России»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51448231

Россия во мгле: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-3411-5

Аннотация

Герберт Уэллс был одним из первых писателей, посетивших Советскую Россию. В 1920 году по приглашению Каменева он совершил поездку в Петроград и Москву и провел там пятнадцать дней. Впечатления о жизни в стране, еще не оправившейся после гражданской войны, он описал в книге «Россия во мгле». Непредвзятый взгляд со стороны на власть большевиков вызвал бурную реакцию на Западе и спровоцировал полемику с Черчиллем, обвинившим Уэллса в «недостаточной основательности».

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Герберт Уэллс

Россия во мгле

© Перевод. В. А. Хинкис, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

*** * ***

I

Петроград на краю гибели

В январе 1914 года я провел в Петербурге и в Москве две недели; а в сентябре 1920 года господин Каменев, приехавший в Лондон в составе русской торговой делегации, пригласил меня побывать там еще раз. Я тотчас же принял приглашение и в конце сентября выехал туда вместе с сыном, который немного говорит по-русски. Мы провели пятнадцать дней в России, главным образом в Петрограде, где нам предоставили полную свободу и, за редкими исключениями, показывали все, что мы желали увидеть. Мы совершили также поездку в Москву, где я имел продолжительную беседу с господином Лениным, о которой расскажу особо. В Петрограде я остановился не в отеле «Интернационал», где обыкновенно размещают иностранцев, а у своего старого друга Максима Горького. Нашим гидом и переводчицей была племянница бывшего русского посла в Лондоне, с которой я познакомился в России еще в 1914 году. Она получила образование в Ньюнеме, ее пять раз арестовывали при большевиках, ей запрещено выезжать из Петрограда, так как она пыталась перейти через границу в Эстонию, где живут ее дети, и от нее менее всего приходилось ожидать пособничества любым попыткам пустить мне пыль в глаза. Я подчер-

киваю это, поскольку и в Англии и в России меня со всех сторон предостерегали, что истинное положение будет ловко замаскировано и, где бы я ни побывал, мне всюду постараются втереть очки.

Однако на деле положение России столь ужасно и бедственно, что замаскировать его нет никакой возможности. Официальную делегацию, пожалуй, еще можно попытаться как-то отвлечь, оглушить приемами, громом оркестров, трескучими речами. Но едва ли мыслимо представить в розовом свете два огромных города пытливому взору двоих случайных гостей, которые к тому же часто ходят порознь. Разумеется, когда просишь показать школу или тюрьму, выбирают далеко не самое худшее. В любой стране постарались бы показать что получше, и тут Советская Россия – не исключение. На это можно сделать скидку.

Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, – это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав непрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию. Под жестокими ударами империалистической агрессии насквозь прогнившая Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с

лица земли. Крестьянство, которое было краеугольным камнем государственной пирамиды, все так же возделывает землю и живет без особых перемен. Все остальное разрушено или разрушается. При этих чрезвычайных обстоятельствах, среди всеобщего развала, власть взяло правительство, которое опирается на сплоченную партию – партию коммунистов, насчитывающую около 150000 активных членов. Ценной массовых расстрелов это правительство справилось с бандитизмом, установило относительный порядок и спокойствие в обескровленных городах, ввело предварительную систему пайков.

Должен сказать сразу, что в настоящее время это единственное правительство, возможное в России. Только оно одно воплощает в себе идею, только оно еще дает России основу для сплочения. Но главное не в этом. Для западного читателя важнее всего тот печальный и грозный факт, что общественно-экономическая система, построенная по образу и подобию нашей, а также тесно с нею связанная, потерпела крах.

Нигде в России этот крах не предстает с такой неумолимой очевидностью, как в Петрограде. Петроград создавался искусственно, по воле Петра Великого; его бронзовая конная статуя, воздвигнутая в небольшом скверике близ Адмиралтейства, и по сей час высится среди города, в котором едва теплится жизнь. Петроградские дворцы либо заброшены и пустуют, либо заняты новыми правительственными учре-

ждениями, и так странно видеть здесь дощатые перегородки, пишущие машинки и столы, за которыми работают люди, отдающие все силы борьбе с голодом и иностранной интервенцией. Прежде в городе было множество магазинов, где шла бойкая торговля. В 1914 году мне нравилось бродить по петроградским улицам среди оживленной толпы и покупать всякие мелочи. Теперь эти магазины закрыты. Вероятно, на весь Петроград наберется не более пяти или шести торгующих магазинов. Есть один государственный посудный магазин, где я купил, кажется, за семьсот или восемьсот рублей несколько блюдец вместо сувенира, есть еще несколько цветочных ларьков. Меня поразило, что в почти обезлюдевшем городе, над которым нависла угроза голодной смерти, в городе, где едва ли не каждый носит на себе единственный костюм и единственную смену ветхого, заплатанного белья, продают и покупают цветы. За пять тысяч рублей, что по текущему курсу составляет на наши деньги примерно шесть шиллингов восемь пенсов, можно купить букет крупных, изумительно красивых хризантем.

Не знаю, могут ли слова «все магазины закрыты» дать западному читателю хотя бы приблизительное представление о том, как выглядит сейчас улица в русском городе. Она не имеет ни малейшего сходства с Бонд-стрит или Пикадилли в воскресный день, когда магазины степенно дремлют за спущенными шторами, чтобы в понедельник снова пробудиться к жизни. У этих магазинов самый жалкий и заброшенный

вид; краска облезает, витрины либо потрескались, либо выбиты вовсе и заколочены досками, уцелевшие кое-где остатки товаров засижены мухами, иные витрины сплошь заклеены объявлениями; стекла все больше мутнеют, меж рамами скопилась двухлетняя пыль. Эти магазины мертвы. Им никогда уже не воскреснуть.

Закрываются и все большие петроградские рынки, напоминающие восточные базары, так как идет отчаянная борьба за то, чтобы удержать под общественным контролем товары первой необходимости, не дать спекулянтам до невероятия взвинтить цены на последние, скудные запасы продовольствия. Когда магазины закрыты, гулять по улицам попросту нелепо. И никто уже не «гуляет». Выясняется, что современный город не что иное, как бесконечные ряды магазинов, ресторанов и тому подобных заведений. Закройте их, и улица тотчас утратит всякий смысл. Торопливо снуют редкие прохожие – помнится, в 1914 году здесь было гораздо оживленней. Трамваи, обычно переполненные, еще ходят до шести вечера. Это единственный транспорт, доступный всем жителям, оставшимся в городе, – последнее, что было унаследовано от капиталистического предпринимательства. При нас за проезд в трамвае перестали взимать плату. Прежде билет стоил два или три рубля – за одно яйцо приходится платить раз в сто больше. Поэтому и до отмены проездной платы трамваи были ничуть не менее перегружены в те часы, когда люди возвращаются с работы. При посадке

возникает давка. Если не удастся влезть в вагон, виснут на подножках и буферах. В часы пик трамваи буквально облеплены людьми, уцепившимися за что попало; сплошь и рядом кого-нибудь сталкивают, происходят несчастные случаи. Мы видели толпу, обступившую ребенка, которого трамвай перерезал пополам, и даже в том небольшом кругу людей, с которыми мы общались в Петрограде, двое сломали ноги, сорвавшись с трамвая.

Улицы, по которым ходят эти трамваи, в ужасающем состоянии. Вот уже три или четыре года их не ремонтируют; это сплошные ухабы, похожие на воронки от снарядов, глубиной нередко в два или три фута. Морозы изгрызли мостовые, водостоки обрушились, деревянные тротуары взломаны, их растащили на дрова. Лишь один-единственный раз мы видели в Петрограде попытку отремонтировать улицу. Какая-то неведомая организация привезла в тихую улочку кучу торцов и два бочонка смолы. Для дальних поездок по городу нам обычно давали принадлежащий государству автомобиль из тех, что остались от прежних времен. Во время этих поездок нас немилосердно трясло и без конца швыряло на крутых поворотах. Эти чудом уцелевшие автомобили заправляют теперь керосином. Они чихают, окутываясь облаком голубоватого дыма, причем моторы их запускаются с пулеметным треском. Все деревянные дома минувшей зимой были разобраны на дрова, и в провалах, зияющих меж каменных зданий, видны лишь развороченные кирпичные пе-

чи и фундаменты.

Все ходят в обносках; и в Петрограде и в Москве все тащат на себе мешки. Когда идешь в сумерки по глухой улице и навстречу попадают лишь оборванные, торопящиеся люди с ношей на плечах, создается впечатление, что жители поголовно покидают город. И такое впечатление не вполне обманчиво. Я видел большевистские статистические сводки, в которых этот вопрос освещен откровенно и честно. Население Петрограда насчитывало прежде 1 200 000 человек, теперь же здесь осталось немногим более 700 000 жителей, и число их все сокращается. Многие вернулись в деревню крестьянствовать, многие эмигрировали, но главный урон нанесли суровые лишения. Смертность в Петрограде составляет более 81 на 1000 человек; в прошлом она составляла 22 на 1000 и уже тогда превышала смертность в крупных западноевропейских городах. Недоедание, полнейший упадок жизненных сил повлекли за собой падение рождаемости до 15 на 1000 человек. В прошлом она составляла 30 на 1000.

В мешках, с которыми люди не расстаются, иногда носят продовольственные пайки, выдаваемые в советских учреждениях, иногда же – что-либо предназначенное на продажу или купленное незаконным путем. Русские всегда питали пристрастие к торговле и любили поторговаться. Даже в 1914 году в редком из петроградских магазинов товары продавались по твердым ценам. Никто не признавал установленных цен; в Москве извозчики непременно торговались, сбавляя

по гривеннику. Перед лицом нехватки почти всех товаров, нехватки, отчасти обусловленной бременем военных расходов – ибо Россия вот уже шесть лет непрерывно ведет войну, – отчасти же порожденной крушением всего общественного строя, а также блокадой, при совершенно неупорядоченном денежном обращении спасти города от бесконтрольной торговли из-под полы, спекуляции, голода и, наконец, от самой примитивной грызни из-за остатков продовольствия и предметов первой необходимости можно было одним лишь способом – введя какую-то форму общественного контроля и систему пайков.

Советское правительство ввело эту систему из принципиальных соображений, но всякое другое правительство в России вынуждено было бы сейчас сделать то же самое. Если бы война в Западной Европе продолжалась по сей день, в Лондоне тоже были бы введены пайки на продукты, ордера на одежду и квартиры. Но в России это пришлось осуществлять на основе стихийного крестьянского хозяйства, имея дело со своенравным и необузданным населением. Поэтому борьба неизбежно приняла жестокий характер. С пойманным спекулянт, настоящим спекулянтом, наживающим на своей торговле значительные барыши, расправа бывает короткой: его расстреливают. Сурово карают даже за обыкновенную торговлю. Всякая торговля сейчас рассматривается как «спекуляция» и запрещена законом. Но на диковинную уличную торговлю снедью и всякими мелочами в Петрограде смотрят

сквозь пальцы, в Москве же она ведется и вовсе открыто, потому что только благодаря этому крестьяне привозят в города продукты.

Широко распространена также подпольная торговля между знакомыми людьми. Всякий по мере возможности старается таким способом добавить что-нибудь к своему пайку. У каждой железнодорожной станции торгуют в открытую, как на рынке. Повсюду мы видели толпу крестьян, которые ожидают поезда и предлагают молоко, яйца, яблоки, хлеб и прочее. Пассажиры вылезают из вагонов и наполняют мешки. Яйцо или яблоко стоит 300 рублей.

Судя по виду, крестьяне вполне сыты, и я думаю, им живется не хуже, чем в 1914 году. Пожалуй, даже лучше. Теперь у них стало больше земли, и они избавились от помещиков. Никакие попытки свергнуть советское правительство не встретят у них поддержки, так как они убеждены, что, пока это правительство у власти, теперешнее положение не изменится. Это не мешает им всеми силами сопротивляться красногвардейцам, заготавливающим продовольствие по установленным ценам. Иногда им удается напасть на небольшой красногвардейский отряд и перебить его. Лондонские газеты раздувают каждый такой случай, спеша возвестить о крестьянском восстании против большевиков. В действительности ничего подобного нет. Просто крестьяне стремятся жить привольно при существующем строе.

Однако, за исключением крестьян, все классы общества –

в том числе и руководящие круги – испытывают сейчас крайние лишения. Кредитная система и промышленность, изготавливавшая предметы широкого потребления, пришли в полное расстройство, а все попытки создать другую форму производства оказались безуспешными. Поэтому новых товаров нет нигде. Едва ли не единственное, что имеется в изобилии, – это чай, папиросы и спички. Спичек в России сейчас больше, чем их было в Англии в 1917 году, причем спичка советского производства отличается превосходным качеством. Однако достать такие вещи, как воротнички, галстуки, ботиночные шнурки, постельное белье и одеяла, ложки и вилки, самую необходимую посуду и галантерею, попросту немислимо. Если случается разбить стакан или чашку, купить новые можно только из-под полы, после долгих поисков. Из Петрограда в Москву мы ехали в спальном вагоне люкс, но в купе не было графина, стаканов, самых простых вещей. Решительно все исчезло. Поначалу нам показалось удивительным, что почти все мужчины небрежно бреются, и мы склонны были приписать это всеобщему безразличию, но поняли, в чем дело, когда один знакомый обмолвился в разговоре с моим сыном, что вот уже год бреется одним-единственным безопасным лезвием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.